

Зло знает тебя наизусть

Ханна Берг

18+

Ханна Берг

Зло знает тебя наизусть

<https://litres.ru/74450789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Убить кого-то метафорически не страшно. Тем более когда этот акт свершается во благо.

Вот он, ждёт тебя с распростёртыми объятиями, улыбнись ему, залезь под кожу. Скажи, что вы похожи, что ты его понимаешь, что тебе можно доверять. Залей его душу счастьем, дай ему всё то, о чём только мог мечтать нуждающийся в принятии человек. А после "убей".

Это могла быть история о сближении, о дружбе. Но Артемий Вересов выбрал другую дорогу и с намеченного пути не собирается сворачивать.

Где проходит грань между обидой и злобой? Что делать, когда сталкиваешься лицом к лицу с человеком, разрушившим жизнь твоего близкого? И приносит ли облегчение уничтожение другого во имя справедливости?

Содержание

Глава 1 КАЖДЫЙ ИЗ НАС ИДЁТ СВОЕЙ ДОРОГОЙ	4
***	4
Глава 2 ЗНАКОМСТВО	12
Интерлюдия 1	22
ГЛАВА 3 ЧИЖ	25
ГЛАВА 4 ЩЕНОК	35
ГЛАВА 5 НИЧЕГО ОБЩЕГО, НИЧЕГО БЛИЗКОГО	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ханна Берг

Зло знает тебя наизусть

Глава 1 КАЖДЫЙ ИЗ НАС ИДЁТ СВОЕЙ ДОРОГОЙ

Пространство заполняет эхо от удара, а вместе с ним и белый шум в голове. Хлёсткая пощёчина оставляет ярко-красный след и жгучую боль. Во рту солёный привкус собственной крови, но это не мешает горделиво поднять голову, растянуть губы в лёгкой усмешке, показывая всему миру свой негласный протест вместе с образовавшейся ямочкой на щеке. Он упрямо смотрит на человека, нависшего над ним, вглядывается без какого-либо страха, выискивает хоть что-то человеческое. Но всё, что он находит в чужих глазах, так это бездонная, обнажённая ненависть, переполненная самоуничтожением настолько, что та кажется чем-то бессмертным, неуничтожимым, вечно возрождающемся в *нём*.

Казалось, из-за спины больше не виднеются острые спицы предательства и боли. Гул за барной стойкой и какая-то безвкусная попса звучат где-то на периферии сознания. Отчётливо слышен только лишь стук ёмких бокалов и колкое в грудной клетке осознание. Выпитый одним большим глотком ром скатывается по горлу, проваливается в желудок, холодит изнутри, чтобы после обжечь. Север первое время естественно ёжится, морщится, хмурится, старается привыкнуть к ощущениям.

Коллега, старый друг отца, позвал сегодня круг приближённых, чтобы отметить рождение внука. Север находится здесь лишь номинально, поддерживает общие беседы, поздравляет от всего сердца, но быстро проваливается в себя, стоит отцу в который раз обронить небрежно брошенное: «А ты, Север, когда отца порадуешь наследниками?»

Но после даже это становится чем-то мелким и неважным. Всё внутри каменеет, цепенеет стоит взгляду зацепиться за до боли знакомый силуэт. Сначала кажется, что это наваждение. Подумаешь, волосы такого же цвета, как у человека из прошлого. Но когда этот самый человек оборачивается, чтобы подойти к барной стойке, Север чувствует, как внутри всё неприятно скручивается и переворачивается, а руки начинают предательски дрожать.

В этом душном баре с низкими потолками в самом дальнем углу зала весело смеётся человек, вонзивший ржавый гвоздь в открытую рану Севера с такой силой, что никакой

гвоздодёр не спасёт. Она сидит к нему боком, спрятанная от назойливых глаз другими гостями бара. Приглушённый свет от пыльных торшеров падает на её лицо, подчёркивая ямочку на щеке, которая то и дело проявлялась, стоило губам растянуться в улыбке.

Коллеги продолжают что-то бурно обсуждать, чокаются, с чрезмерной бравадой произносят тост. Кто-то дёргает Севера за плечо, возвращает из прошлого в настоящее. Кажется, его очередь высказать поздравления. Слова льются сами, на автомате, все радостно хлопают, поддерживают, а после вновь осушают свои стаканы до дна. И Север пьёт, поддерживая этот ритуал. Но уже не в знак празднества, а в знак своего персонального горя.

Он даже не замечает, как вновь трёт кольцо на левой руке, как всё чаще отвлекается от общего дружеского гула и переключает внимание на силуэт за тем самым дальним столиком. Глядит на руки, шею, вырез платья, но не в лицо. Боится увидеть там приговор. Боится заметить, как её улыбка пропадает, стоит ей взглянуть на него.

Нелепица какая. Из тысячи питейных заведений его коллеги выбрали то, где будет она. Север медленно опускает пустой бокал на стол. Адская смесь обжигает горло, но не приносит долгожданного облегчения. Мир вокруг теряет резкость: гул голосов, громкий смех, запах алкоголя — всё смешивается в раздражающий шум. Север хочет встать, подойти и отчаянно спросить: что она тут забыла? Как она вообще

посмела явиться туда, где находится он?

Но это голос эмоций, желание ковырнуть реальность, сопоставить факты так, чтобы снять с себя ответственность, чтобы отыскать в ответе искупление. Но о каком искуплении может идти речь, когда в памяти вновь и вновь прокручивается тот вечер его тотального падения.

— Север, мы курить, пойдёшь с нами? — чужая крепкая ладонь ложится на его плечо, выдирая его с корнем из фантомных образов.

— Да, — он соглашается моментально, замечая, как вместе со словами выходит и напряжение в челюсти — последние секунды он держал зубы стиснутыми.

На улице становится чуточку лучше. Морозный воздух бьёт по лёгким, а засевший внутри смех так вовремя вырывается, стоит коллеге по работе рассказать какую-то глупую шутку. Смех у Севера отчаянный, обречённый. Ему не смешно в самом деле, ему горько. Он даже представить не мог, что всё обернётся именно так. Что его извечное «мне плевать» превратится в желание публично унизиться перед кем-то, лишь бы сыскать одобрение и прощение.

Голова остужается, вихрь мыслей успокаивается. Он выдыхает сигаретный дым изо рта, глядя на то, как серые струйки растворяются в морозном ночном воздухе, подобно его собственным попыткам стать *нормальным* человеком.

Приглашённые гости продолжают шутить, обсуждая какие-то рабочие пустяки, которые ещё полчаса назад казались

ему важными, а теперь их вес не имел ни-че-го.

Север едва кивает, даже не вслушиваясь в разговор, но делает заинтересованный вид. Едва ли кому интересно, что у него на душе, а портить людям празднество не входит в планы. Но взгляд всё равно падает на дверь, ведущую обратно в бар.

«Если она выйдет и увидит меня, то что я ей скажу?»

Думать о различных сценариях, которые едва ли имели шанс на реальность было пиком глупости. Но наваждение не отпускало, рисуя новые интерпретации возможной встречи. И было неясно, что пугает Севера больше: что они действительно могут пересечься взглядами, завязать разговор или, что этого не произойдёт, а их пути снова затеряются в этом большом городе.

— Я пойду, — он бросает сигарету наземь, тушит ботинком. — Увидимся завтра. Ещё раз поздравляю.

Иногда лучшее решение кроется в тактическом отступлении. Вот и Север решает, что хватит с него, пора возвращать контроль разума над эмоциями. Он бегло прощается со всеми, не смотрит в глаза отцу, который так и норовит его остановить, заставить остаться, но в последний момент, махнув рукой, разрешает сыну уйти раньше.

Север плотнее запахивает пальто, чувствуя, как холод от пережитого стресса всё ещё не покидает, заставляя каждую мышцу невольно содрогаться. Осознание того, что ноги сами ведут его по направлению к самой дальней станции мет-

ро, приходит в тот момент, когда он уже проходит половину пути.

Вызвать такси было бы куда разумнее. Но возвращаться домой и быть запертым там один на один со своими демонами не хотелось. Так что Север согласился на эту импровизированную прогулку, ища в ней способ привести нервы в порядок.

Хотя время было довольно позднее, метро всё равно встречает привычным шумом. А нужный ему вагон оказывается переполнен, так что приходится стоять у выхода, смотря в своё отражение в поцарапанной дверце вагона. Через наушники голову заполняет минорная песня Фрэнка Синатры. Перебирания клавиш фортепиано, вибрация контрабаса и вокал заглушают хоть какой-то намёк на связную мысль.

«Станция Беговая, конечная» — проносится механический голос по вагону через колонки. Толпа людей вытекает на платформу. Где-то позади вновь грохочет подъезжающий поезд, выпуская ещё одну партию людей. Тысячи незнакомых людей, с которыми делишь общие минуты, чтобы после вновь разминуться и никогда больше не встретиться.

Эскалатор медленно уносит Севера вверх. Ещё немного и он вновь окажется запертым в небольшой коробке, по случайной нелепости называемой домом. Опынение давно выветривается, глаза слипаются, сознание потихоньку погружается в полудрёму. Он держится за поручень, прикрывая глаза на минуту, чувствует, как тело расслабляется и кажется,

словно он летит. Или сейчас упадёт, если продолжит стоять с закрытыми глазами.

Плейлист сменяется на что-то более тяжёлое, на агрессивные гитары. Но настроение другое, так что он вновь включает Синатру, мельком пробегаясь взглядом по противоположной стороне, где люди только-только спускались в глубины метро.

Он считал рекламные столбы и вчитывался в кричащие вывески, пытаясь вернуть уплывающее сознание в норму. Но внимание тут же переключается на неприлично громкий смех.

Из серой толпы взгляд моментально выхватывает двух прохожих. Обычный парень и девчонка рядом спускаются в метро. Видимо, возвращаются с прогулки по набережной. Ничего особенного. Мало ли у кого бывает больно знакомое лицо.

Север пытается убедить себя, что это полная глупость. Он не верит в теорию о двойниках, но она словно пытается доказать сама себя здесь и сейчас.

Подумаешь, тот же оттенок волос и глаз. Подумаешь, знакомая ямочка проступает на щеке от улыбки. Совпадения — это всего лишь цепочка нелепых случайностей.

Но почему тогда внутри всё леденеет? Почему не отпускает ощущение, что этот незнакомец — точная копия женщины, разделившей его жизнь на «до» и «после»? И отчего в груди зудит зловещее предчувствие о том, что этот незна-

комец станет его личной гильотиной.

Эскалаторы разъезжаются, а в наушниках продолжает надрывно петь финальный аккорд Фрэнк:

«I'm all alone, walkin' down the highway

Ain't goin' nowhere, but that's my way of life...»

Глава 2 ЗНАКОМСТВО

Артемий выглядывает в окно своей съёмной комнаты в коммунальной квартире и удручённо вздыхает. Привыкнуть к серым пейзажам ему не удаётся и на третий месяц пребывания в Санкт-Петербурге. Ровно так же он не может привыкнуть к этому постоянному зябкому холоду, то и дело ища тепла возле батареи, которая едва согревает комнату. Стоит позже поговорить об этом с хозяйкой.

Старенький шкаф, петли которого смазывали в последний раз ещё до развала Советского Союза, открывается с привычным натужным скрипом. Артемий смотрит на своё отражение в зеркале, приделанном к одной из дверей шкафа, трёт лицо, убирая наваждение в виде мертвеца за спиной.

Рука критично перебирает вешалки, взгляд скользит по ряду одежды, выискивая то, что подойдёт отлично для первого впечатления. А оно должно быть ровно таким, каким его задумал парень.

Он бросает взгляд на экран телефона: у него есть ещё пара минут перед выходом. Артемий тянется к волосам, собираясь пригладить непослушные светлые пряди, но тут же одёргивает руку. Лучше он будет выглядеть слегка небрежно, чем окружающие решат, что он слишком подозрительно хорош.

Внутри разгорается нетерпение, желание поскорее приступить к выполнению своего плана, к которому он так долго

готовился. План, который, как нескончаемое топливо, подпитывал волю Артемия, заставлял не опускать руки, а двигаться дальше. Осталось проявить терпение и не выдать себя раньше положенного часа.

И вот он пробирается сквозь декабрьскую пургу, пряча лицо от колючего снега за шарфом. Снег под ногами хрустит в такт торопливым шагам. Поворот, за ним ещё один. Артемий надеется, что не заблудится в монохромности дворов-колодцев, находя необходимый корпус.

Да, он здесь уже бывал один раз, но абсолютно точно не запомнил дорогу в этом лабиринте из одинаковых мрачных зданий.

Пальцы на руках успевают предательски окоченеть, и у него с трудом получается с первого раза открыть массивную железную дверь. Холод от металла ещё сильнее проникает под кожу, делая ситуацию хуже и совсем не помогая непослушным конечностям обхватить дверную ручку.

Проходная встречает его контрастным теплом и вахтёром, сидящим за серой стойкой. Мужчина средних лет, в синей форме, услышав, как дверь за Артемием хлопнула, сразу же обращает на него внимание, откладывая из мозолистых рук газету. Вахтёр выпрямляется на своём стуле, поправляет рукав, на котором пришит потёртый временем шеврон «охрана». Он что-то ворчит про снег, который успел проникнуть внутрь и теперь оставляет после себя лужи на плитке.

— Доброе утро, — Артемий тихо улыбается, на щеке про-

является едва заметная обворожительная ямочка, — Я на стажировку.

— А, помню, помню, — он кивает и забирает протянутый Артемием паспорт, записывая данные в книгу учёта. — Вересов, — медленно, с лёгким прищуром произнёс охранник, выводя буквы в журнале. — Вереск... Он ведь первым на сухой, мёртвой почве пробивается. — он закрыл журнал и перевёл тяжёлый взгляд на Артемия: — Надолго к нам?

Артемий решает никак не комментировать значение своей фамилии, поскольку тут ему крыть было нечем, а потому перехватывает инициативу.

— Хотелось бы надолго, — он машинально оставляет подпись в указанном месте. — Мне так расплывчато ответили на собеседовании, может Вы знаете, почему последний стажёр уволился?

Мужчина хмыкает, убирая журнал учёта посетителей вглубь своего стола. Он какое-то время молчит, ожидая, что Артемий заберёт свой пропуск и уйдёт, но видя, что парнишка никуда не уходит и ждёт ответа, с показной неохотой отвечает:

— Дык, он не просто уволился, а сбежал.

— Сбежал? — на лице Артемия проскальзывает изумление.

— Мало что об этом знаю, слухи только, — мужчина опустился в своё кресло и расправил газету, принимаясь за решение кроссвордов. — Удачи тебе.

Диалог явно закрыт. Парень забирает со стойки пропуск, прикладывает к турникету и проходит вглубь холла. На собеседовании он уже слышал, что до него тут было много стажёров, которые не задержались. Задержится ли Артемий в этой системе?

Лифт он намеренно обходит стороной, предпочитая подняться по лестнице. Так безопаснее и спокойнее. Правда, добравшись до пятого этажа, его настигает одышка, а по спине неприятно стекает выступивший пот. Приходится стянуть куртку и понести её в руках.

В конце коридора слышится монотонный стук пальцев о клавиатуру и тонкий женский голос, говорящий с кем-то по стационарному телефону. Артемий подходит к уже знакомой молодой девушке, терпеливо ждёт, когда та повесит трубку и уже собирается сказать, зачем он тут, как та, не глядя первой начинает разговор:

— Документы оставь на краю стола, как Игорь Семёнович подпишет твой экземпляр договора, отдел кадров передаст его твоему руководителю.

Светлые волосы Оксаны, так зовут секретаршу директора, собраны в высокий хвост на макушке, а длинные ногти, покрашенные в красный цвет, то и дело мешают ей набирать текст, отчего она с яростью нажимает на кнопку на клавиатуре, норовя вообще сломать ту.

На её лице нет улыбки, только раздражение и усталость, залёгшая тёмными тенями под глазами, скрываемая тонной

макияжа.

— Ну, чего встал? — она наконец бросает на него взгляд.

— А куда мне идти? — Артемий нервно сжимает куртку в своих руках, чувствуя себя неудобно. — И кто будет моим наставником?

— Третий этаж, — Оксана, даже не пытаясь скрыть своего раздражения, закатывает глаза. — На какую должность ты пришёл, хоть знаешь? Двери подписаны, не заблудишься. А наставник, — она замолкает, переводя взгляд на экран своего монитора, прячет проявляющуюся улыбку. — Север Николаевич Кречетов. Ты его сразу узнаешь, он в очках, — неконтролируемая улыбка совсем разглаживает её усталое лицо, а в глазах появляется мечтательный огонёк. — И не доставай его такими глупыми вопросами, как меня. Давай, иди, не отвлекай меня от работы.

Артемий благодарит и спешит удалиться, но пропускает тихий смешок, поскольку прекрасно слышит, как стук клавиатуры замолкает, а вместо него открывается отнюдь не рабочая программа, а поток коротких юмористических видеороликов.

Север Николаевич Кречетов. Необычное имя. И, стоит признать, довольно говорящее, рисующее в голове образ холодного человека, со старой закалкой, колючим взглядом, в общем, личность далёкая от понятия «приятный человек». Но это Артемия несколько не пугает. Он всегда был и оставался прилежным учеником и студентом. Преподаватели ду-

ши в нём не чаяли, занося его в свой персональный список любимчиков.

И пока Артемий спускается по лестнице, Север не глядя находит рукой кружку с давно остывшим кофе. Пальцы крепко обхватывают керамическую чашку где-то сбоку, с другой стороны от удобной ручки. Послевкусие горечи немного приводит в чувства, с губ слетает выдох. Всё утро он то и дело глядит на стрелки часов в немом ожидании.

На прошлой неделе директор, Игорь Семёнович, между делом обмолвился о новом кандидате. Заверил, что этот не такой, как предыдущие, что он более ответственный и коммуникабельный. Север, конечно же, не поверил. Такие разговоры были и ранее, вот только никто не задерживался, оставаясь недовольными вакансией по ряду причин.

Какого-либо восторга от того, что пустующее место наконец-то займёт живая душа Кречетов не ощущает. Вместо этого его одолевает чувство титанической усталости, что ему вновь придётся следить, направлять и курировать кого-то. Кого-то, кто не факт, что останется.

И если первый стажёр был ещё в какую-никакую радость, то все последующие приносили с собой только ушат проблем и головную боль. Может, стоило всё-таки отстоять своё мнение и настоять на закрытии вакансии? Их отдел и так прекрасно справлялся, а раз уж никто из молодых умов не задерживается, то стоило ли тратить силы на поиски и обучение? Вопрос риторический, слово Игоря Семёновича закон,

с которым Северу спорить никак нельзя.

Отдел логистики является небольшой, тесной прямоугольной комнатой с шестью столами, два из которых в данный момент пустуют. Выкрашенные в молочный цвет стены то ли украшают, то ли уродуют плакаты с корпоративными лозунгами. «Графит — пиши, как дышишь». «В каждом стержне — стержень». «Графит — стирай прошлое. Пиши будущее». В углу кабинета стоит большое кашпо с фикусом, листья которого начали осыпаться из-за неправильного ухода. Или токсичности, витающей в этом здании вместо свежего кислорода.

Окна выходят на такое же серое пятиэтажное здание. Можно без труда разглядеть, как там, напротив, разворачивается точно такая же картина: такие же мониторы, такие же непримечательные лица людей, такой же бесконечный водоворот бумаг и печатей. Словно бесконечный коридор в зеркале.

Раньше стол руководителя стоял у окна. Но в какой-то момент Северу надоело, что на него то и дело пялится девица с накачанными губами из соседнего офиса. Так что он на правах властвующего и разделяющего поменялся местами с коллегой, переехав за стол в углу, поближе к умирающему фикусу. И если покой от лишнего внимания его крайне обрадовал, то тоска по пейзажу из окна накатывала всякий раз, когда мысли проваливались глубоко внутрь.

На фоне привычно слышится гул из перешёптываний

коллег и работающей техники. Он обводит взглядом подчинённых, проверяя, чтобы каждый был занят делом. Не из вредности характера, конечно, — хотя дисциплину Кречетов ценил и ценит, — а из-за горящих сроков.

Взгляд цепляется за выцветшие от времени плакаты, напоминающие собой плесень, а не декор. В голову Севера приходит мысль, сорвать всё это и повесить что-то более живое, может даже, забавное, мотивирующее, заставляющее улыбаться при взгляде на картинку. Но едва ли кто-то оценит такую вольность. «Графит» место всё-таки консервативное, не любящее что-то менять в угоду чему-то новому.

Отдел логистики утопает в своей монотонности, которая норовит разрушиться через три, два...

— Доброе утро!

Дверь открывается непривычно громко, а на пороге застывает молодой парень. Север инстинктивно отрывает взгляд от плакатов и смотрит из-под стёкол очков на потревожившего осиный улей. Он едва заметно хмурится, вглядывается в мягкие черты лица, а потом ругается про себя, искренне надеясь, что одолевавшая его эмоция никак не отобразилась на лице.

«Это абсурд, враньё:

череп, скелет, коса.

"Смерть придёт, у неё

будут твои глаза".»

Возможно Бродский не так понимал строки Павезе, а вто-

рой в свою очередь не такой смысл вкладывал, но именно это четверостишие всплывает в памяти Кречетова, который хочет снять очки и протереть, чтобы ещё раз взглянуть на пришедшего стажёра, топчущегося на пороге.

Злая ирония судьбы или злой рок, что это, если не шутка над ним, Севером? Какой-то случайный прохожий из метро оказывается теперь его новоиспечённым учеником. Случайность, которая никак не может пересечься с реальностью.

Тихий шёпот отдела резко обрывается, словно кто-то нажал на кнопку «выключить звук» на пульте управления. На лицах коллег появляется настороженность и неподдельный интерес к новенькому. В абсолютной тишине отчётливо слышится, как одними губами Лена шепчет: «Боже, пусть всё будет хорошо».

Парень уверенно обводит взглядом небольшой офис, останавливая свой взгляд на Севере. В карих глазах считывается неловкая растерянность, присущая каждому стажёру, упавшему на долю Севера: они ожидают увидеть какого-то взрослого дядьку, о котором ходят байки, а в итоге встречают его молодого и амбициозного, но уже сидящего на месте руководителя.

— Здравствуйте, — парень уверенно преодолевает расстояние от двери до стола Севера. И хотя он старается выглядеть собранно, голос его всё равно звучит скованно и неловко. — Я Артемий Вересов. Мне сказали, что Вы будете...

— Да, я знаю, — перебивает его Север, флегматично ука-

зывая на свободный стол рядом с собой. — Твоё рабочее место, шкаф для одежды у двери. До одиннадцати часов я занят, не отвлекай, потом покажу основные программы. Всё понял?

Артемий послушно кивает, тут же принимаясь за первые указания: убирает куртку в шкаф, садится за стол и, не зная, чем себя занять на ближайший час, просто начинает рассматривать всё вокруг. Север отстранённо наблюдает за этой картиной, а после возвращает всё внимание работе. Что ж, пора начинать обратный отсчёт для его оставшихся нервных клеток.

Интерлюдия 1

Знойное лето и работа в офисе просто несовместимы. Если бы не кондиционер, то можно было бы смело обозвать этот офис настоящим адом. Особенно в полдень, когда солнце поднималось в зените. Особенно сейчас, когда этот самый кондиционер решил просто гонять воздух, а не охлаждать помещение.

Максим с Павлом делали ставки через сколько растает Север Кречетов. Но тот, на удивление коллег, не таял, а только сильнее закипал от гнева, напоминая самого Аида из подземного царства.

— Это повторяется не в первый раз! — Север держался из последних сил. Казалось, одного неправильного слова, вскользь оброненного в ответ, хватит, чтобы он окончательно вспыхнул адским пламенем.

— Я думал, что успею...

Парень лет двадцати шести стоял с опущенной головой, заламывая пальцы за спиной. Получать выговор от наставника ему было не впервой, но каждый раз это отзывалось болью, будто когтями по сердцу. Стоило уволиться самому, но силы воли не хватало, а Кречетов почему-то не спешил бежать к директору.

— Если ты не справляешься, почему не попросил помощи? Даже если не у меня, в отделе сидят другие люди. Да в

чём твоя проблема?!

Ладонь с громким стуком упала на стол, отчего Мышка, наблюдающая за ситуацией, резко зажмурилась от страха. Видимо, лимит терпения был исчерпан и теперь включился режим Севера Николаевича, который мог одним словом «убить» человека на месте.

— Я сделаю, мне осталось всего лишь...

— Ох, хватит с меня! — Кречетов отмахнулся от него, как от надоедливой мухи. — Нужно было позвонить поставщику ещё вчера, он ждал документы. Думаешь, попал в детский сад, что тебя кто-то будет ждать? Не будет, — пальцы крепче обхватили компьютерную мышку. — Всё, иди куда-нибудь, чтобы я тебя не видел ближайший час.

Парень поднял взгляд на Севера, посмотрел на него своими изумрудными глазами, хотел было уже вновь сказать, что не всё так плохо, что ему действительно осталось доделать только один файл перед отправкой заказчику, но не смог. Никогда не мог ничего сказать против, ни Кречетову, ни кому-либо ещё. Может, руководитель прав, и он просто всё ужасно портит и замедляет процесс работы всего отдела?

Парень отвернулся от стола Севера, прошёл к своему монитору, скользнул в последний раз по файлам и папкам, которые успел создать за месяц работы здесь, а после выключил компьютер. Собрал свои вещи из ящика, бросая всё в рюкзак. Обвёл взглядом коллег каким-то уж слишком пустым взглядом, от которого у Лены мурашки по спине про-

бежали. А после вышел из офиса, тихо прикрыв дверь за собой.

Догадывался ли кто-то, что после этот стажёр не вернётся ни через час, ни через день, ни через месяц?

ГЛАВА 3 ЧИЖ

Стрелки часов показывают десять утра. По коридору третьего этажа неторопливой походкой идёт коренастый, сорокалетний мужчина. В руках он держит кружку с горячим кофе, от которого ещё идёт пар. Он бы и рад заглянуть в курилку, чтобы насладиться утренним кофе с сигаретой, но внутренний счётчик предупреждает, что лимит халтуры исчерпан. Он и так вышел на перекур, а в итоге пропал на добрых полчаса.

Павел никогда не отличался особой тягой к карьерному росту или трудовым подвигам. Он мастерски дробил рабочий день на мелкие отрезки, состоящие из выполненной задачи, игр на телефоне, нового поручения, прогулок по зданию «Графита». В этом офисе он чувствовал себя, как заключённый, привыкший к установленному режиму, который негласно диктовал главный тюремщик — Север Кречетов.

С ним у Павла сложные отношения. Руководитель вроде и закрывает глаза на тотальное неумение Чинова сидеть на одном месте, а вроде не забывает уколоть по этому поводу. Мало того, что Кречетов младше и строит из себя директора всея «Графита», так ещё и собрал в себе все те качества, которые так не нравятся Павлу. Остаться на этой должности мучительно, но каждый раз, когда он заносил руку над заявлением об увольнении, невидимый страх перед неизвестно-

стью заставлял его сминать бумагу.

Мужчина толкает матовую дверь с латунной табличкой «логистика» и первым делом замечает новенького. Тот сидит за столом потерянный, как щенок, которого хозяин привязал к перилам и ушёл в магазин. Ушёл надолго. Север, разумеется, даже не смотрит в сторону стажёра, уткнувшись в монитор и делая самый занятой вид, который только может сыграть. Хотя может руководитель и не играет, а на самом деле является холодным айсбергом в океане.

Развернувшаяся картина не удивляет. Каждый раз одно и то же: через муки собеседований и сбора документов до них добирается свежая кровь, которая попадает под наставничество Севера. А тот в свою очередь никогда не был заинтересован в кураторстве. Он спокойно может сбросить эту обязанность на кого-то из своих подчинённых. На того же Седого, который любит молодых людей за их свежий взгляд на старые вещи. Но нет. Север на такой ход не шёл. Видимо, из принципа и желания поддержать образ «Всё сам».

— Ну, привет, — он уверенно подходит к стажёру, прекращая напевать песню Аллы Борисовны себе под нос, чем вызывает нервный тик у Севера. — Я Павел, но можешь звать меня просто Чиж. Прозвище из-за фамилии образовалось и приросло, как второе имя. Ты тоже скоро обзаведёшься прозвищем, у каждого в нашей компании оно есть.

— Приятно познакомиться, — на молодом лице моментально появляется улыбка, а глаза светятся от проявленного

к нему внимания. — Я Артемий, Тёма.

Чиж дарит крепкое рукопожатие, делая про себя вывод, что этот мальчишка отличается от предыдущих. Слишком светлый, слишком наивный. А на фоне помрачневшего Кречетова это выглядит ещё более гиперболично. Скорее всего, не задержится, уйдёт через пару дней. Максимум, неделю.

— Пошли, я тебе всё тут покажу, — говорит Павел, отпивая свой сладкий кофе.

Север, который доселе механически стучал пальцами об клавиатуру, замирает. Он выпрямляется, словно натянутая струна, и демонстративно сверяется с часами.

— Тебе не кажется, что ты и так много отлыниваешь от работы, Павел?

Север говорит нарочито сухо, медленно поднимая взгляд на коллегу. От такой напыщенности Чижову хочется хмыкнуть, настолько смешно в его глазах выглядит руководитель, строящий из себя строго и властного.

Артемий, заметив перемену в воздухе, делает крошечный шаг назад, инстинктивно прячась за широкой спиной своего нового знакомого.

— Показывать новичкам рабочее место — часть рабочего процесса! — протестует Чиж, даже не думая тушеваться. — Тем более кто ещё ему тут всё покажет, да расскажет?

Север лишь скупно кивает, соглашаясь с весомостью аргумента. Он терпеть не может вводить новичков в курс дела. Первый опыт со стажёром, не выдержавшим нагрузки и по-

тока информации, сбежавшим через неделю, отбил всякое желание быть наставником, который водит за ручку. С тех пор он предпочитает делегировать эту обязанность Павлу. Пусть Чиж развлекается, если ему так хочется отстранивать выполнение своей работы.

— Идите, — отрезает Север, разворачиваясь обратно к монитору.

Артемий резво поднимается со стула и с нескрываемым любопытством следует за Павлом, который решает начать импровизированную экскурсию с самого отдела логистики.

Они останавливаются на пару секунд у каждого из столов, и Чиж быстро представляет Артемия. У крайнего стола, у окна сидит самый взрослый из сотрудников — Григорий Васильевич. Прозвище — Седой. Артемия распирает любопытство спросить, из-за чего появилось прозвище, но, решив, что вопрос не этичный, а голова Григория Васильевича полностью седая, Тёма проглатывает вопрос. Григорий Васильевич же с улыбкой жмёт руку Артемию, по-отечески хлопает по плечу и выражает свои надежды, что парень останется в их неблагополучном коллективе надолго.

Следом за столом Седого сидит молодая девушка с непримечательной внешностью: русые волосы, собранные в низкий хвост, лицо без капли косметики, невыразительные глаза то ли голубого, то ли зелёного цвета. Артемий успевает заметить, что она сидит за монитором уже добрых десять минут и не двигается. Елена Анатольевна, она же Мышка, ка-

жется даже не дышит. Только едва заметный трепет ресниц выдаёт что она живая. Её глаза то и дело скользят от одной строчки к другой, ища ошибку в транспортной накладной, которую попросил переделать Север Николаевич. Но исправив указанную опечатку, теперь она боится обнаружить ещё одну.

За последним третьим столом в ряду у окна сидит парень лет тридцати пяти. Артемий удивляется, что тот находится в помещении в солнцезащитных очках. Но ещё больше удивляется, когда читает надпись на листе А4, приклеенном на скотч к монитору. «Не выключать, идёт обновление». Как выясняется Соня нагло спит, прикрываясь техническим обновлением компьютера. Павел просит не выдавать Максима Северу, иначе произойдёт что-то очень неприятное. Но отчего-то Артемий уверен, что руководитель в полном курсе о происходящем, просто не вмешивается по каким-то своим умозаключениям.

Чиж и Тёма доходят до кулера в углу офиса. Мужчина рассказывает, что кнопка подачи горячей воды не работает давно. Кречетов не занимается этим вопросом принципиально, ссылаясь на то, что отдел и так погряз в чаепитиях, уделяя этому процессу слишком много времени. Но все всё равно устраивают чаепития. Просто с большим страхом. Поговаривают, что Север ведёт учёт выходов из офиса, а после передаёт директору.

Принтер в офисе один, так что работать за ним следует

разумно и не занимать надолго. Запасы бумаги хранятся в стеллаже рядом. Но если бумага закончилась в офисе совсем, то необходимо идти на второй этаж в отдел снабжения. Чиж рассказывает ужасные байки про случаи, когда одного стажёра отправили за бумагой к снабженцам, а тот не вернулся. Артемий делает для себя вывод, что в отделе снабжения сидят очень неприятливые люди. Либо тем просто нравится, когда их просят или умоляют выполнить ту работу, за которую им платят.

Постепенно серый отдел начинает приобретать очертания живого механизма, где у каждого своя отведённая роль, свои слабости и свой способ выживания в корпоративной системе.

— А ты откуда приехал? — непринуждённо спрашивает Чиж, когда они выходят в коридор. — По речи слышу, что не наш.

— Издалека, — отвечает Артемий так быстро, словно заучил текст заранее. — С юга.

— И занесло тебя в холодные края, — Павел беззлобно хмыкает, показывая Тёме, где уборная, куда бежать при пожаре, отдел бухгалтерии. — А до этого где-то работал? Выглядишь молодым. Сколько тебе?

— Двадцать три, — он скользит взглядом по табличке «бухгалтерия», а после замирает, когда слышит за дверью женский хохот и звук вылетевшей из бутылки пробки. — Давно мечтал переехать в город побольше, — говорит Арте-

мий, чувствуя, как его ладони предательски потеют. — После получения диплома работал официантом. Как раз в курортный сезон, смог хорошо накопить, чтобы позволить себе переезд.

— И в итоге, ты попал сюда, — резюмирует Павел.

Пока они спускаются по лестнице на второй этаж, Чиж не замолкает ни на минуту, рассказывая и выдавая каждую байку и сплетню за настоящую правду. Так он рассказывает о том, что Игоря Семёновича за глаза зовут Танкистом. И дело тут не в военном прошлом. Делится и тем, что мышка тайно влюблена в их руководителя. Хотя какая это тайна, когда об этом в курсе весь «Графит». В красках ругает подход Севера к управленческой работе. Рассказывает про отдел маркетинга, который тоже прославился, как и забавными, так и пугающими историями.

Чиж ловко заворачивает за угол, и они с Артемием оказываются в довольно просторной комнате. По правую сторону расположены пара обеденных столов, а слева — небольшая кухня. В отличие от других помещений здесь чувствуется уют и какое-никакое наличие жизни.

— Вот оно — сосредоточие силы «Графита», — с гордостью произносит Чиж, подходя к кофемашине и, поставив чашку, нажимает на кнопку подачи эспresso. — Нам повезло, что здесь сейчас никого, обычно тут толпа отлынивающих.

— Можно я задам вопрос? — Артемий задумчиво разгля-

дывает обилие кружек на сушке.

— Конечно, — быстро отзывается Чиж, добавляя сахар в кофе и делая глоток.

— А что стало с последним стажёром?

Наступает тишина. Чиж медленно, очень медленно пьёт кофе, словно оттягивая момент с ответом. Но Артемий продолжает испытывающе смотреть на него своими щенячьими глазами.

— А зачем тебе знать? — наконец прерывает паузу Чиж. — Ты только пришёл, просто наслаждайся моментом, — он допивает кофе, ставит кружку на место и ожидает новую порцию эспresso. Артемий сомневается, что это второй кофе за сегодня и что вообще можно пить столько кофе. — Ты пятый по счёту. Мне кажется, Мистер Одиозность просто съедает своих стажёров. Нет, ну ты видел его лицо, точно маньяк какой-нибудь! Так что смотри в оба.

— Меня такими байками не напугать, — Артемий подхватывает лёгкий мотив, улыбаясь Павлу. — Неужели он настолько... страшен?

— Сам узнаешь, — он тяжело выдыхает. — Пошли, нам пора возвращаться. Иначе Кречет решит полакомиться нашими потрохами.

Артемий спорить не стал. Он согласно последовал обратно за Павлом, размышляя о полученной информации. Первое — прозвище его наставника. Прозвище всегда работает лучше имени, открыто демонстрируя яркую характеристику

человека. Артемий даже не усмехается, когда видит объяснение слова «одиозность» в интернете. Во-вторых, он так и не понимает, в чём заключается его работа. Игорь Семёнович на собеседовании говорил, что всё будет несложно, что всё объяснит наставник. Но пока что картина складывается минорная и тревожная перед неизвестностью. В-третьих, почему никто не говорит прямо о стажёрах? Что-то знают и скрывают?

В отделе логистики всё ровно так же, как и двадцать минут назад. Монотонный гул ламп, тихая работа принтера, стук пальцев об клавиатуру и щёлканье мышки. Лена больше не сидит, напоминая каменное изваяние, теперь же она с нежной улыбкой делает копии документов. Седой заполняет какой-то журнал, а Соня на удивление даже не спит, занятый перебором стопки бумаг. Север же от рабочего настроения не отставал, подписывая документы и ставя мокрые печати.

Чиж напоследок кивает Артемию, а после молча следует к своему компьютеру, напротив стола Тёмы.

Резкая изоляция от компании Чижа погружает в дискомфортную пустоту одиночества. Каждый занят своим делом, и один только Артемий не знает, куда деть руки. До одиннадцати часов ещё полчаса, и чтобы хоть как-то убить время, он решает включить компьютер. Парень нажимает кнопку питания, и монитор вспыхивает резким, слепящим светом, выбрасывая на экран привычную заставку блокировки.

Сердце пропускает удар: откуда ему знать пароль от ком-

пьютера? Сбоку слышится сухой кашель, явно привлекающий внимание. Артемий машинально поворачивается на звук и наблюдает, как наставник показывает на клавиатуру.

— Пароль под клавиатурой, — спокойно произносит мужчина, уже отвернувшись, словно потеряв интерес к стажёру. — Подожди ещё полчаса. До этого времени постарайся ничего не удалить с рабочего стола.

Артемий поднимает клавиатуру и действительно обнаруживает кусочек бумаги, приклеенный прозрачным скотчем прямо к столешнице. Он быстро вбивает пароль в графу ввода, рабочий стол медленно разворачивается перед ним, раскрывая полный хаос из иконок программ, россыпь ярлыков, бесконечные списки текстовых файлов, таблицы и папки.

Всё кажется пугающе чужим. А в голове Артемия заседает мысль, что это всё не его, что он не справится. Может, когда наставник ему объяснит, что к чему, то позволит навести порядок и свою собственную систему.

ГЛАВА 4 ЩЕНОК

— Стоит признать, что ты неплохо разбираешься в базовых программах.

В назначенное время Север всё-таки переносит свой стул к столу новоиспечённого стажёра, чтобы показать и вкратце рассказать в каких программах и по каким регламентам работает «Графит».

Артемий схватывает всё на лету. Он то и дело порывается задать вопрос, но стоит ему открыть рот, как Кречетов, сходу предугадывая мысль, даёт четкий и исчерпывающий ответ. В итоге, спросить что-то не касающееся непосредственно рабочих процессов, так и не выходит.

И хотя многие считали, что новый стажёр не выдержит и сбежит, как только представится возможность, на деле Артемий Вересов приживается в «Графите» с пугающей лёгкостью.

К концу второго дня он уже знает всех по имени и по прозвищам. Даже успевает пообщаться с уборщицей, Галиной Ивановной, которую поймать тяжело, поскольку она появляется из ниоткуда, бесшумно выполняет свою работу и исчезает, оставляя после себя лишь лёгкий шлейф аромата хлорки. За эту способность быть незаметной её прозвали Призраком. Артемий же видит её утром, когда заносит принесённую из дома кружку в комнату отдыха. Он просто спра-

шивает, как правильно пользоваться кофемашиной, чтобы ненароком не сломать, а попутно узнаёт сплетни о коллегах и разгадку прозвища директора. Оказывается, Игорь Семёнович просто обожает играть в «танчики онлайн» прямо в своём кабинете. Что ж, может себе позволить.

На третий день Артемий приносит большую пачку печенья и чай, оставляя всё на общем столе в кухне. Ещё с экскурсии Чижа он замечает: сюда редко кто-то что-то выкладывает, все довольствуются тем, что закупает компания. Каждый сам себя обеспечивает сладким и ни с кем не делится. К концу дня от принесённого печенья остаются одни крошки, а Артемий уже знает, что у главного бухгалтера, Светланы Андреевны, сын поступает в медицинский, что Серый из отдела маркетинга разводится после пятнадцати лет брака, и что Север Николаевич никогда не заходит в комнату отдыха, если там кто-то есть не из его круга приближённых. Так называли тех, чьё присутствие руководитель терпел и с кем мог даже посмеяться.

Прозвище приходит на четвёртый день. Всё начинается с лёгкой перебранки, когда кто-то замечает: «Наш новенький так смотрит на Севера, когда тот раздаёт поручения, — точь-в-точь преданный пёс, ждущий команды». Эту мысль подхватывают моментально. Разговор начавшийся с ленивого обсуждения погоды, внезапно превращается в азартный спор о породах.

— И какой он пёс? — смеётся Света, помешивая сахар. —

Такой же суетливый, как джек-рассел. Носится везде, глаза горят, хвостом виляет, даже когда отчитывают.

— Не соглашусь, — вступает в разговор Чиж, задумчиво потирая подбородок. — Джек-рассел — это бешеная энергия, а Тёма всё-таки более покладистый. Он как золотистый ретривер. Посмотрите на эту улыбку. Она же буквально создана для того, чтобы располагать к себе людей, даже если эти люди — сухари вроде нашего начальника.

— Ретривер — это слишком благородно для нашего «Графита», — подключается к спору Седой, отпивая из своей неизменной кружки с надписью «superstar». — Порода выяснится, когда он вырастет, а пока он простой щенок. Прибился за человеком, и отогнать жалко, и в дом пускать пока боязно, потому что там ждёт чёрный кот.

Не сойдясь в породах, все соглашаются на обыкновенном Щенке. Коротко, почти ласково, но оставляет уничижительный оттенок, присущий всем прозвищам в «Графите».

Артемий узнаёт о своём втором имени после обеда. Седой бросает: «Щенок, принеси папку из снабжения», — и парень не успевает даже удивиться. Он просто кивает, подскакивает с места и уже спешит выполнять поручение.

Пока он спешит по коридору, внутри него разливается удовлетворение. Пусть зовут как угодно. Пока его считают безобидным щенком, никто не заметит, как он вгрызается в фундамент этого здания.

Иллюзия теплоты работала идеально: двери открывались,

люди болтали, а информация сама плыла ему в руки. Щенка не боялся, его не считают угрозой, ему сочувствуют, его хоят и лелеют. И это была его самая большая победа.

ГЛАВА 5 НИЧЕГО ОБЩЕГО, НИЧЕГО БЛИЗКОГО

За окном бесконечный выцветший декабрь. Город кажется нарисованным акварелью, из которой украли все яркие краски. Низкое, свинцовое небо давит на крыши зданий, а редкие прохожие, укутанные в шубы, торопливо прячутся от пронизывающего ветра, пришедшего с залива. В этом сером городе Артемий выглядит почти инородным объектом. И это до боли знакомо Северу. Но не вызывает никаких эмоций.

Артемий ведёт себя странно. Нет, он не делает что-то из ряда вон выходящее, но эта чрезмерная покладистость уже вызывает в Севере недоумение и абсолютное незнание, что с этим делать. И он не придумывает ничего лучше, чем просто начать игнорировать эту широкую улыбку и заискивающие взгляды в свой адрес.

Но и это не помогает избавиться от навязчивого присутствия стажёра. Вересов не просто находится в пространстве, он его заполняет, делает своё существование осязаемым. Действительно, как жар от открытого пламени. Север, не привыкший к такому, раздражается на стажёра только сильнее.

Мало того, что он чувствует в каждом жесте Вересова фальшь, так ещё и эта магнетическая сила, которая собирает

вокруг себя восторженных коллег всего «Графита». И пока все видят в мальчишке яркое, ослепительное солнце, дарующее жизнь, Север видит в нём разрушительную комету, летящую по непредсказуемой траектории.

Постепенно выверенная тишина офиса разрушается слишком живым общением между Артемием и Павлом. Кречетов даже не удивлён: Чиж всегда стремится втереться в доверие к новичкам, пока те ещё не успели прознать о его профессиональных проколах.

Пока их разговоры не мешают рабочим процессам, а Павел параллельно объясняет азы системы, он позволяет этой имитации дружбы существовать. В итоге, кто он такой, чтобы вмешиваться в межличностные отношения. Если парень не дурак, то поймёт, с кем имеет дело. Или сам набьёт шишек. В общем-то, Северу всё равно: он не нянька.

Кречетов наблюдает с каким усердием стажёр впитывает информацию, как не стесняется задавать вопросы ему, Павлу и даже Седому, который только рад поделиться знаниями. Но Север продолжает подозревать и не верить. Он всматривается в лицо стажёра, пытается поймать тот неуловимый миг, когда маска сползает, обнажая плохо скрытую злость или типичную усталость. Он ожидает срыва.

Но Артемий остаётся пугающе последовательным. Он не реагирует на ворчание Седого, который по привычке ругает нынешнее поколение. Не обижается, когда сам Север откровенно гоняет его по пустякам, заставляя таскать папки,

до которых может дойти и сам. Он легко отшучивается, если что-то не получается, но при этом держится с каким-то странным достоинством, которое Кречетов никак не может классифицировать. Вересов не прогибается — он просто делает то, что от него требуется, оставаясь для наставника неразрешимой задачей.

Стажёр пришёл не в самый благополучный для отдела логистики момент. У Севера нет ни времени, ни желания играть в наставника — отдел логистики стоит на ушах из-за приближающегося аудита. Это не просто проверка, это точка невозврата: любой промах аудитор вывернет наизнанку, не задумываясь о последствиях для сотрудников.

Объёмы работы растут лавинообразно: горы первичной документации, тонны перекрёстных проверок, которые необходимо закрыть до того, как придёт независимый аудитор и начнёт тыкать пальцем в каждое несоответствие.

У Севера нет выбора. Он не может позволить себе роскошь игнорировать лишние руки, даже если это руки стажёра. С одной стороны, это шанс для парня увидеть реальную изнанку отдела, а не ту причесанную картинку, которую обычно показывают новичкам. С другой — риск, что этот энтузиазм обернётся катастрофой в самый ответственный момент. Но, взвесив все «за» и «против», Кречетов понимает: без этого «риска» они просто не успеют.

— Вересов, — говорит он, не поднимая головы от бумаг. — Видишь эту коробку? — он указывает на огромную ко-

робку, что стоит на краю его стола. — Нужно внимательно проверить данные, если что-то не сходится или выходит за рамки стандартных лимитов, занеси в отдельную таблицу. Знаешь же, как пользоваться таблицами? Отлично.

— Конечно, Север Николаевич, — быстро отзывается Артемий, уже перекладывая тяжёлую коробку на свой стол. А после решается уточнить: — Мне просто нужно всё проверить?

— Да, — бросает Север. — Сравни с отчётными табелями сотрудников. Если увидишь, что кто-то систематически превышает лимит по канцелярии или «теряет» документы — выписывай в отдельный список. Мне нужно понимать, где у нас дыры. К вечеру отчёт должен быть на моей почте.

— Понял, — Артемий берёт первую партию документов из коробки, но задумывается, — А если я найду чью-то ошибку?

— Что непонятного, Вересов, — Север резко оборачивается, бросая тяжёлый взгляд из-под очков. — Видишь несостыковку — вносишь в таблицу.

Парень выдыхает, прикидывая и оценивая объём работы, который ему предстоит выполнить в довольно сжатые сроки. Более ста различных заявок, транспортных листов, товарных накладных, счетов на оплату. Всё в хаосе, ничего не систематизировано. Ему приходится метаться между вкладками, открывать и закрывать программы, сверять данные в старых файлах. И ошибки всплывают одна за другой.

Курьерская доставка в нерабочее время. Странные суммы, проведённые, как «расходные материалы». Дважды списанная со склада партия ручек и карандашей, которая в итоге становится одной. И куда пропала вторая в процессе — неизвестно.

Артемий создаёт таблицу для того, чтобы внести в неё все несостыковки. Вписать дату, номер документа, фамилию сотрудника и комментарий, но останавливается, понимая, что это непосредственный компромат на каждого в отделе логистики. Халатность, невнимательность или воровство?

Север такой же человек, как и все, поэтому он позволяет себе сделать десятиминутный перерыв. Он откидывается на спинку стула, прикрывает уставшие глаза, массирует виски. В кабинете стоит удивительная тишина: каждый занят своим делом, которое выдал Кречетов, каждый старается успеть до судного дня для отдела логистики. За окном уже опускаются густые сумерки, поглощая серость в ещё более чернильную темноту, освещаемую редкими всполохами света.

Руководитель бездумно листает ленту новостей, а после переводит взгляд на Артемия в попытке понять: справляется тот с заданной задачей или нет. Парень замирает над бумагами и компьютерной таблицей. Видимо, Щенок наконец-то осознаёт с чем именно ему приходится работать. В этой стопке документов не просто цифры, а срез ошибок каждого сотрудника, их маленьких грешков и систематической лени. Взгляд переводится на Чигова, который усерднее всех ста-

рается подчистить хвосты. Оно и не удивительно.

Было интересно, что предпримет Артемий, как поступит. Вопрос был не в том, выполнит ли Щенок поставленную перед ним задачу, а в том, как именно он её выполнит. Молча сделает то, что ему сказали и бровью не поведёт, когда будет отсылать таблицу с именами своих коллег на почту Северу? Или же проявит человеческую слабость, сделает вид, что не заметил огрехов?

Экран монитора выжигает Тёме глаза, превращая бесконечные колонки цифр в пляшущие, расплывчатые пятна. Он жмурится, массирует переносицу, пытаясь отогнать пелену, и тут же возвращается к базе данных. Он вычищает её методично, почти механически, чувствуя, как с каждым закрытым окном и переложённым листом в стопку «выполнено» внутри что-то надрывно вибрирует.

В тишине кабинета Артемия накрывает страшное осознание. Если он составит этот список, этот беспощадный реестр чужих ошибок, то коллеги получат выговор, а кто-то, возможно, и увольнение. В глазах отдела он навсегда останется тем самым Щенком, который предал своих ради одобрения наставника. Но если промолчит, притворится, что ничего не видел, Север Николаевич уничтожит его без тени сомнения. Раздавит, выставив сентиментальным, непригодным к работе глупцом. А такого допустить никак нельзя.

Артемий делает глубокий вдох и перестаёт искать виноватых, выбирая между двумя вариантами. Вместо этого он

избирает свой собственный, третий.

Он вглядывается сначала в бумаги, потом в экран компьютера, и вдруг закономерности начинают проступать сквозь сумятицу данных, как чертёж через кальку. Он видит, как хаотично распределяются накладные, как накладываются друг на друга списания, как петляют даты в программе. Это не злонамеренность, это не заговор. Это просто катастрофическая нехватка системы.

Он открывает новую вкладку и начинает писать отчет, но не в виде «доноса», а в виде предложения по оптимизации. Он перегруппировывает все «грехи» коллег в сухие категории: «Технический сбой ПО», «Отсутствие регламента списания», «Дублирование операций из-за неверной настройки фильтров». Имена исчезают. Остаются лишь цифры и холодная логика.

Стрелки часов лениво доползают до цифры семь. Здание «Графита» постепенно пустеет. Кто-то торопится забрать ребёнка из садика, кто-то домой смотреть премьеру фильма, кто-то просто спешит покинуть эти стены. Севера дома никто не ждёт и спешить ему некуда, а от приглашения пропустить по рюмке вместе с Седым — он отказывается.

По коридору разносятся шаги вахтёра, проверяющего помещение. Валентин Витальевич идёт вроде бы ровно, но внимательный слух с лёгкостью улавливает заминку в его шагах — одну ногу он ставит на землю на секунды позже другой. Он не хромает. Скорее, чуть заметно заваливается на

левый бок при ходьбе, а правое плечо всегда идёт немного ниже. Последствия травмы, о которой сам вахтёр отзывается: «Спасибо, что вообще могу ходить». Где-то в коридоре хлопает дверь, потом разносится щелчок выключателя, погружая коридор в полутьму. Через какое-то время неровные шаги становятся громче, дверь в отдел логистики приоткрывается. Охранник окидывает взглядом оставшихся двоих сотрудников, после уходя, прикрыв за собой дверь.

— Если не успеваешь закончить, — окликает Север, наблюдая, как Артемий продолжает корпеть над таблицей, — Есть ещё завтрашнее утро.

Север выключает свой компьютер, погружая офис в ещё более оглушительную тишину. Он аккуратно, с привычной педантичностью протирает стёкла очков, избавляясь от малейших следов пыли. Накидывает на плечи тяжёлое шерстяное пальто, на котором ещё держится запах мороза, принесённого с улицы. Повязывает кашне, поправляя узел, и уже делает первый шаг к выходу, собираясь оставить этот серый бетонный лабиринт до утра, как за спиной разносится настойчивый голос Артемия:

— Север Николаевич, я проанализировал массив данных, — Северу приходится развернуться к мальчишке, чтобы скептически оценить того взглядом. — Проблема не в людях. Проблема в том, что текущий алгоритм списания материалов провоцирует ошибки в сорока процентах случаев. Я нашёл критические точки, где система даёт сбой, и устранил

их в реестре. Вот график, который показывает, как снизить потери.

Север замирает. Он ожидал увидеть список предателей компании, ожидал услышать невнятные оправдания, что не справляется с поставленной задачей.

Но вместо этого перед ним на мониторе открыты сухие, безупречно структурированные выводы, которые не просто латают дыры в отчётности, а приносят отделу реальную, осязаемую прибыль. Артемий не подставил никого из сотрудников, он не выдал грязное бельё отдела на растерзание, но при этом выполнил задачу даже лучше, чем требовалось: он трансформировал хаос в инструмент для повышения эффективности.

Он медленно переводит взгляд с экрана на стажёра. Его глаза на секунду сужаются, превращаясь в узкие холодные щели. В груди нарастает странное, почти неприятное чувство: он понимает, что этот Щенок только что обвёл его вокруг пальца. Артемий не предал стаю, сохранив верность своим принципам, но при этом он безупречно, до последнего знака, служит интересам системы, которой руководит сам Север.

Мужчина чувствует, как внутри него что-то сдвигается. Это не гнев — это холодное, отрезвляющее удивление. Он привык считать Артемия податливой глиной, а оказалось, что Щенок умеет кусаться, причём делает это так грациозно, что Кречетов даже не успел почувствовать боли от укуса.

— Это всё? — голос Севера звучит глухо.

— Всё, — кивает Артемий. — Я оптимизировал таблицу, чтобы система больше не допускала таких «ошибок».

Наставник молчит. В наступившей тишине отчётливо слышно, как натужно гудит вытяжка, словно пытаюсь выкачать из комнаты весь кислород. Он понимает: сейчас он зажат в тиски собственных же правил. Уволить Артемия? Невозможно. Тот только что не просто спас его перед аудитом — он выложил на стол готовое, блестящее решение, превратив потенциальную катастрофу в триумф эффективности. Стоило признать, что у Вересова получилось произвести впечатление.

— Неплохо, — он даже не смотрит в сторону Артемия. — Для стажёра, — добавляет он более едко.

И медленно выходит из офиса, чувствуя, как внутри него кипит почти осязаемое раздражение. Север явно недооценил парня. Артемий не просто хороший, он умеет быть безупречным, при этом не предавая ничего, что ему дорого. Это сбивает с толку, это нарушает картину мира, где каждый человек преследует свои корыстные цели.

На улице он делает рваный вдох, хватая обжигающе морозный воздух, отчаянно надеясь, что внешний холод заморозит обратно то, что начало оживать. Эта часть души, которую он когда-то приказал ампутировать без анестезии, чтобы не чувствовать лишнего, вновь подаёт голос, напоминая о себе. Как старая рана, которую он считал давно затянувшейся.

ся под слоями льда. Теперь же рубец от раны снова зудит, требуя права на существование, и это открытие пугает его больше, чем любой провал на работе.

— Мерзость, — сквозь плотно сжатые зубы прошипел он, заводя автомобиль.

Интерлюдия 2

Хрупкие руки толкнули его в грудь, отстраняя от себя. Редкий луч солнца, выглянувший из-за тяжёлых туч, выхватил на безымянном пальце кольцо, преломляясь светом через грани инкрустированного камня.

— Не трогай меня! Не смей! — голос её надломлен, она срывалась то на плач, то на шёпот. — Ты худшее, что со мной случилось, видеть тебя больше не хочу.

Этот разговор должен был произойти не здесь и не при таких обстоятельствах, но он происходил. На парковке «Графита», на повышенных тонах. И Мышке отчего-то было страшно не от самой ситуации, а от того, что она впервые видела Севера настолько растерянным.

— Почему ты мне не сказал раньше? Почему я узнаю это от посторонних людей? — из карих глаз без остановки скатывались горячие слёзы, которые женщина убирала ребром ладони, продолжая свою горькую тираду: — Ты меня предал. Ты хоть понимаешь это, Север? Ты самый жестокий, самый...

— Прошу, давай поговорим дома, — Кречетов вновь по-

тянулся к ней, в тщетной попытке приобнять.

Лена понимала, что ей стоило бы уйти и не подслушивать чужую ссору, но всё её тело замерло от страха. Ни сдвинуться с места, ни закрыть уши, чтобы не слышать с какой горечью в голосе Север пытался сгладить конфликт, но безрезультатно.

— Я не хочу с тобой говорить, всё уже сказано. Ты просто жалкий предатель.

Первой мыслью Мышки было, что всё дело в измене, отсюда и такая неподдельная обида на пару с гневом. Но почему-то Лене не хотелось верить в эту теорию, ведь она никогда не замечала за Севером тягу смотреть на других женщин. Даже её вот игнорировал и относился к ней с отточенным профессионализмом.

Светловолосая женщина ушла, а Север на следующий день не вышел на работу, впервые на памяти Лены, попросив отгул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.